

Принуждение к союзу: федеративное поглощение Эритреи в исторической перспективе¹

Укорять государя так же глупо, как и пахать небо.

Амхарская поговорка

Андрей Александрович
Захаров (р. 1961) –
политолог, редактор
журнала «Неприкосно-
венный запас», доцент
Российского государст-
венного гуманитарного
университета.

Эфиопия подступалась к федеративным проектам дважды, и поэтому история эфиопского федерализма четко делится на два этапа. Несмотря на то, что они не похожи друг на друга ни в чем, ибо осуществлялись в различные исторические эпохи и с разными целями, у исследователя есть все основания попытаться вписать оба кейса в общее нарративное полотно, поскольку разворачивались они на территории одной и той же страны, имперское наследие которой продолжает ощутимо сказываться на ее республиканском настоящем². Кроме того, их сопоставление может оказаться полезным в том смысле, что в нем предельно отчетливым образом проявляется многогранность федерализма – неисчерпаемой матрицы, которую можно использовать очень по-разному, как по прямому назначению, так и для превратных целей. Между тем в научном дискурсе эти две темы почему-то не принято соединять друг с другом – специалисты предпочитают анализировать либо одно, либо другое, – что, разумеется, вряд ли является оправданным. Ведь осуществленная эфиопской монархией в начале 1950-х акция по поглощению Эритреи, обставленная федералистскими декорациями, несомненно, повлияла на то, что позже, при возведении в начале 1990-х эфиопской «социалистической» федерации, в ее конституционных установлениях было закреплено право входящих в нее территориальных единиц свободно покидать союз, – очень похожее, кстати, на аналогичное право в упраздненном СССР. Помимо того, что Федеративная Демократическая Республика Эфиопия и Российская Федерация по сей день остаются в числе очень немногих национально-территориальных (или, лучше сказать, этнических) федераций, сумевших приспособиться к XXI веку,

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (№ 24-18-00650).

² Подробнее об этом см.: ASSEFA T. *The Imperial Regimes as a Root of Current Ethnic Based Conflicts in Ethiopia* // Journal of Ethnic and Cultural Studies. 2022. Vol. 9. № 1. P. 95–130.

обе страны знают, как применять федерализм для расширения своих территорий. Совместная причастность к явлению, называемому «имперским федерализмом», делает сравнительный анализ интересным вдвойне – и закономерно обращает исследователя к первой стадии федерализации Эфиопии, связанной с пересмотром государственных границ после Второй мировой войны.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
ПРИНУЖДЕНИЕ К СОЮЗУ...

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЭРИТРЕИ В ЭФИОПСКИЙ ДОМ НАЧИНАЕТСЯ

Проект «федералистского расширения» эфиопских земель, предпринятый в начале 1950-х, на равных подталкивался как внутренними, так и внешними стимулами. Понятно, что государству Хайле Селассие I, незадолго до этого триумфально (пусть и с помощью англичан) отразившему агрессию Муссолини³, хотелось получить, как и было принято в эпоху *nation-states*, какие-то территориальные бонусы, причитающиеся победителю, – тем более, что выход к морю, преграждаемый итальянской Эритреей, уже несколько десятилетий оставался первостепенным внешнеполитическим приоритетом африканской монархии. Но не менее существенным было и то, что ключевым актором, в конечном счете побудившим эфиопское руководство использовать для этих целей не примитивный захват в духе XIX столетия, а замысловатое федералистское решение, стала внешняя инстанция в лице молодой Организации Объединенных Наций. Это существенное обстоятельство одновременно и облегчило, и затруднило первое приобщение Эфиопии к федералистскому этосу. С одной стороны, облегчение заключалось в том, что «дорожная карта» федерализации готовилась международными кураторами, а авторитет ООН выступал гарантией ее консенсусного принятия; но, с другой стороны, в подобном контексте федералистский принцип явно не мог быть чем-то выношенным самими эфиопскими элитами, а представлял наносным, поверхностным, чужеродным явлением. Последнее, разумеется, не могло не сказаться на его провальном воплощении в жизнь, которое превратило заключение федеративной сделки в завуалированную версию (пост)колониального присвоения. В итоге в Эритрее, воссоединившейся в 1952 году с «родиной-матерью», в очередной раз была воспроизведена диспозиция, характерная для абиссинской имперской экспансии времен Менелика II, правившего в 1889–1913 годах, когда «покоренные [Эфиопией] народы

3 См., например: MALLETT R. *Mussolini in Ethiopia, 1919–1935: The Origins of Fascist Italy's African War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

чувствовали себя почти так же или даже хуже, чем те, кто оказался под пятой европейских колонизаторов»⁴.

После того, как в 1941 году английские войска покончили с итальянской оккупацией Эритреи, ее территория перешла под управление британской военной администрации. С завершением Второй мировой войны эритрейская тема стала частью более широкого вопроса о политической судьбе колониальных владений, прежде принадлежавших Риму. В экспертном сообществе, которое во второй половине 1940-х занималось этой проблемой, обозначились три опции, теоретически открывавшиеся перед Эритреей: (а) слияние с Эфиопией, предусматривающее образование единого государства под верховенством эфиопской короны и закрепление тем самым культурных, религиозных, экономических связей, которые веками спланивали соседние земли; (б) территориальный раздел по конфессиональным линиям с отходом христианских земель под юрисдикцию Эфиопии, а мусульманских земель под управление англо-египетского Судана, причем в обмен на эритрейский порт Асэб – и, соответственно, желанный выход к морю – от Аддис-Абебы ожидался отказ от претензий на собственную провинцию Огаден, отходившую к Британскому Сомали; (в) государственная независимость, заведомо шаткая, но *de facto* гарантируемая кем-то из крупных международных акторов. Каждый из этих вариантов лоббировался той или иной влиятельной стороной из числа держав-победительниц.

В пользу какой-то формы эфиопско-эритрейского слияния, императивно распространявшегося как минимум на христианские области Эритреи, высказывались Соединенные Штаты Америки, не без оснований считавшие императорскую Эфиопию своим союзником в разгоравшейся «холодной войне» и потому склонные укреплять ее геополитические позиции:

«Продвижение федеральных установлений было идеально американским способом отблагодарить Эфиопию за отправку своих солдат в контингент Объединенных Наций, воюющий в Корее, и одновременно успокоить эритрейских сепаратистов, как мусульманских, так и всех прочих»⁵.

Опираясь именно на это благорасположение, эфиопский император в 1945 году заявлял американскому президенту о том, что актом, передающим Эритрею под власть Эфиопии – если таковой будет принят международным сообществом, – можно было бы исправить «несправедливое деяние, совершенное фашистским режимом»⁶. Среди аргументов, обосновывающих

4 ASSEFA T. *Op. cit.* P. 115.

5 MARCUS H.G. *A History of Ethiopia*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1994. P. 159.

6 Цит. по: КАССАЕ Н.В.М. *Хайле Селассие I – император Эфиопии*. М.: РУДН, 2016. С. 174.

такую точку зрения, были, в частности, и констатации того, что «до 1890 года, [когда началась итальянская экспансия] такое понятие, как “эритрейцы”, вообще не имело хождения»⁷. Важно подчеркнуть, что в американском сценарии за Аддис-Абебой предусматривался немалый шанс на «возвращение домой» не только христианских, но и мусульманских областей Эритреи, поскольку США были готовы доверить решение этого вопроса Генеральной Ассамблеи ООН – а там Эфиопия, внесшая общепризнанный вклад в победу над фашизмом в Африке и возглавляемая монархом, пользовавшимся повсеместной популярностью, вполне могла преуспеть.

К межконфессиональному разделу эритрейских земель тяготела Великобритания, причем для нее, в отличие от США, гораздо более важной представлялась судьба не христианской, а мусульманской части страны; передача последней Судану, политически зависящему от Египта, позволяла Лондону поддерживать своего ключевого регионального клиента в лице египетского короля Фарука. Иначе говоря, в данном случае акцент делался не на слиянии фрагментов бывшей итальянской колонии с притязавшей на нее Эфиопией, а на ее обязательном раздроблении, что в глазах эфиопов выглядело гораздо менее выгодным исходом. В обоснование же среди прочего приводились ссылки на то, что ранее, в 1870-х, Египет, бурно модернизовавшийся под османским сюзеренитетом, уже владел прибрежной полосой, отделявшей Абиссинию от Красного моря, и Эритрея с легкостью могла бы стать тогда египетской колонией – если бы не взорвавшее каирскую миниимперию восстание 1881 года под предводительством Махди.

Наконец, на сценарии независимости для Эритреи с определенного момента начала настаивать республиканская Италия – это государство в 1943-м сменило флаг, перейдя на сторону антигитлеровской коалиции, – надеявшаяся на то, что ей, очистившейся от фашистского наследия, удастся, возможно, приобрести международный мандат на управление своим бывшим владением или хотя бы сохранить свое прежнее влияние в новообразованном государстве, которое на первых порах неизбежно будет слабым и уязвимым. Кстати, подобный курс встречал понимание у англичан, ощущавших себя в послевоенной Эритрее всего лишь местоблюстителями, взявшимися опекать итальянское имущество до возвращения прежних хозяев. Как писал в 1949 году, обращаясь к итальянской общине в Асмэре, один из высокопоставленных чинов британской военной администрации, «несомненно, в случае предоставления [Эритрее] независимости выходцы из Италии получат здесь

7 KILLION T. *Historical Dictionary of Eritrea*. Lanham: The Scarecrow Press, 1998. P. 8.

главное слово»⁸. Для итальянского же политического воображения присутствие на этих берегах сохраняло особую символическую важность, ибо именно они в январе 1890 года устами короля Умберто I удостоились высокого статуса «колонии-первенца» (*la colonia primogenita*). В Эфиопии такие перспективы воспринимались с негодованием:

«Римские политики лицемерно декларировали свои “прогрессивные намерения” в оказании содействия колониальным народам в получении независимости. Италия, руководствуясь “гуманными соображениями”, стремилась превратить бывшие колонии в протекторат»⁹.

Что любопытно, против возвращения Эритреи итальянцам не возражал и Советский Союз; эта позиция мотивировалась желанием Москвы нейтрализовать британское влияние на побережье Красного моря. Вместе с тем итальянский политический класс вынужденно увязывал решение «эритрейского вопроса» с судьбами других обломков итальянской колониальной империи – в частности, Ливии, контроль над которой представлялся Риму гораздо более важным, чем присутствие в Эритрее. Для творцов внешней политики Италии проблематика Триполитании, Киренаики, Сомали и Эритреи была единым комплексом, в работе с которым было очень важно безошибочно расставить приоритеты.

Против возвращения Эритреи итальянцам не возражал и Советский Союз; эта позиция мотивировалась желанием Москвы нейтрализовать британское влияние на побережье Красного моря.

Разумеется, на фоне всех перечисленных вариантов архитекторам новой Африки приходилось также принимать во внимание и возможность прямой аннексии эритрейской территории Аддис-Абебой, не высказываемую напрямую, но, как предполагали в международных дипломатических кругах, молчаливо подразумеваемую. Ее фундаментом выступала убежденность эфиопских властей в том, что «нынешние границы Эритреи не итог внутренней политической эволюции, а всего лишь продукт итальянских военных операций»¹⁰. Имеется, впрочем, и довольно весомое альтернативное мнение, согласно которому абиссинская империя притязала на Эритрею не злонамеренно, а вынужденно, поскольку на ее территории в то время про-

⁸ Цит. по: NEGASH T. *Eritrea and Ethiopia: The Federal Experience*. Uppsala: Nordiska Afrikainstitutet, 1997. P. 51.

⁹ КАСАЕ Н.В.М. Указ. соч. С. 195.

¹⁰ PRUNIER G. *The Eritrean Question* // PRUNIER G., FICQUET É. (Eds.). *Understanding Contemporary Ethiopia*. London: Hurst and Company, 2015. P. 238.

живали сто тысяч эритрейцев, считавших себя эфиопскими подданными, причем две тысячи из них работали в различных органах власти, включая министерства. Более того, в первой эфиопской армии, сколачиваемой в годы итальянской оккупации на территориях соседних Судана и Кении, выходцы с эритрейского побережья составляли половину(!) всей живой силы. В таких условиях, по мысли Текесте Негаша, императорский отказ от притязаний на Эритрею неминуемо был бы воспринят «как безответственность, а то и как прямая государственная измена». Эфиопия – продолжает свою аргументацию этот автор – на протяжении нескольких десятилетий, с 1865 года, вполне обходилась без Эритреи, а 80% ее внешнеторговых операций осуществлялись через Джибути; не удивительно, что в архивах просто нет свидетельств, подтверждающих желание первой злонамеренно «присвоить или проглотить» последнюю¹¹. Наконец, от курса на аннексирование соседних земель Хайле Селассие I отвращали и воспоминания о недавнем восстании в провинции Тыграй, вспыхнувшем в 1943 году и подавленном лишь с помощью британской авиации. Как сообщали итальянские спецслужбы летом 1947-го, император опасался, что «инкорпорация Эритреи еще более усилит тыграйский элемент в Эфиопии, а объединенный Тыграй, в очередной раз восстав, провозгласит независимость»¹². Имелись ли у монарха такие страхи в действительности, мы уже не узнаем; но, очевидно, великие державы рационально предпочитали исходить из того, что лежало на поверхности, а именно из многократно заявленного эфиопского желания *любой ценой* выйти к морю, путь к которому пролегал исключительно через бывшую Итальянскую Восточную Африку.

Эритрейский сюжет становился еще более запутанным из-за политики, проводимой на ее территории в 1941–1952 годах британской оккупационной администрацией. Как отмечает французский историк-африканист Жерар Прунье, Эритрея, которая за десятилетия итальянского правления «медленно продвигалась к форме модерности, полностью чуждой для Эфиопии того времени»¹³, при англичанах осовременивалась еще более ощутимо, все существеннее отдаляясь от государства «царя царей». Поскольку страна простиралась вдоль моря, «открытость иностранным влияниям издавна способствовала формированию особого эритрейского социума и складыванию специфического эритрейского сознания»¹⁴. После войны в Эритрее,

¹¹ NEGASH T. *Op. cit.* P. 54–56.

¹² Ibid. P. 58.

¹³ PRUNIER G. *Op. cit.* P. 239.

¹⁴ PLAUT M. *Understanding Eritrea: Inside Africa's Most Repressive State*. New York: Oxford University Press, 2016. P. 5.

оказавшейся под английским патронажем, открывались школы, основывались профсоюзы, учреждались независимые газеты, а в 1947 году были разрешены и политические партии. «Впервые за всю эритрейскую историю людям не просто позволялось учреждать политические организации: их буквально подталкивали к этому», – пишет Негаш¹⁵. Зарегистрированные в тот период политические группировки отстаивали разные проекты эритрейского будущего: Юнионистская партия выступала за слияние с Эфиопией, Либерально-прогрессивная партия настаивала на объединении равнинной части Эритреи и эфиопской провинции Тыграй с последующим провозглашением независимости этого образования, а партия «За Италию» желала возвращения под эгиду изгнанной в 1941 году метрополии. Последняя из крупных партий, Мусульманская лига, поначалу отличалась необыкновенной идеологической раздробленностью, имея в своих рядах представителей всех перечисленных позиций; лишь через несколько лет, по мере деградации межгосударственного союза, она превратилась в главного апологета эритрейского суверенитета. Показателями относительной популярности перечисленных партийных программ стали результаты состоявшихся в 1952 году выборов в переходный эритрейский парламент, в ходе которых юнионисты получили 48% голосов, сторонники независимости «большого Тыграя» – 9%, приверженцы Рима – 10%, а Мусульманская лига – около 30%.

Естественным следствием всего этого кипения социальной жизни, обеспечиваемого военной администрацией англичан, оказалось довольно быстрое вызревание прослойки эритрейцев, заинтересованных, несмотря на повсеместную деколонизацию, либо как максимум в сохранении на африканском побережье Красного моря именно британского военно-политического присутствия, либо же как минимум в независимом развитии Эритреи, ориентированной на Лондон. Выше отмечалось, что опция прямой аннексии в послевоенные времена расценивалась как почти недоступная – в особенности для держав, только что разгромивших «третий рейх» и его итальянских союзников, – и поэтому Лондон в середине 1940-х вынашивал более мягкий план объединения тыграйских культурно-лингвистических зон Эритреи и Эфиопии с последующим учреждением суверенного «большого Тыграя» под покровительством Великобритании. С этой целью он энергично поддерживал Либерально-прогрессивную партию, которую некоторые наблюдатели считали прямой креатурой британской разведки. Впрочем, как и следовало ожидать, Хайле Селассие I с возмущением отвергал этот замысел: несмотря на собствен-

15 NEGASH T. *Op. cit.* P. 24.

ные опасения по поводу политической активности Тыграя и превращение его в очаг дестабилизации, добровольно сдавать собственные территории он не собирался.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
ПРИНУЖДЕНИЕ К СОЮЗУ...

В результате в начале 1949 года в недрах ООН родился компромиссный «план Бевина-Сфорца», касавшийся всех африканских территорий Италии, включая ливийский, сомалийский и эритрейский сегменты: именно он содержал упомянутый выше вариант раздела эритрейских земель между Эфиопией и Суданом¹⁶. Надо сказать, что проект был весьма выгоден Аддис-Абебе, так как он предусматривал отход к эфиопской короне всей тыграйской части Эритреи, включая (*sic!*) портовые города Асэб и Массауа; именно это важнейшее обстоятельство позволило эфиопскому представителю проголосовать за него в ООН. Однако, несмотря на одобрение проекта Генеральной Ассамблеей, состоявшееся в мае 1949 года, от документа пришлось отказаться из-за категорического неприятия его положений в недавно освободившейся Ливии. И, поскольку в основу документа был заложен «пакетный» принцип, выпадение одного фрагмента погубило план целиком: он был снят с дальнейшего рассмотрения.

Справедливости ради надо подчеркнуть, что становлению упомянутого выше эритрейского самосознания, напрямую сказывавшегося на федералистских дебатах второй половины 1940-х, заметно поспособствовали не только британские колонизаторы, но и их итальянские предшественники. Обустроив свои эритрейские владения на протяжении нескольких десятилетий – а расположенный на Красном море порт Асэб был приобретен итальянской коммерческой компанией еще в 1869 году, – Савойская династия следовала особым курсом, существенно отличавшимся от практик итальянского колониализма в других частях Африки. Этот контраст бросался в глаза даже внешне. Так, британский офицер, захваченный итальянцами в 1939 году и отправленный в лагерь для военнопленных в небольшом эритрейском городке Ади Угри, не скрывая своего изумления, писал в мемуарах:

«На всем протяжении маршрута нас встречали захватывающие свидетельства итальянских свершений. Повсюду можно было видеть признаки бурного прогресса, убеждавшие в том, что XX век прочно утвердился в стране, которая оставалась бездвижной сотни лет. Здесь возводились современные, хотя и не слишком красивые здания, строились фабрики и мастерские, запускались сельскохозяйственные проекты и, что самое впечатляющее, прокладывались превосходные асфальтированные дороги, тянущиеся на сотни миль»¹⁷.

¹⁶ КАССАСЕ Н.В.М. Указ. соч. С. 204.

¹⁷ TREVASKIS K. *The Deluge: A Personal View of the End of Empire in the Middle East*. London: I.B. Tauris, 2019. P. 43–44.

Илл. 1. Итальянская
Восточная Африка,
1936 год. Источник:
Wikimedia Commons.

Итальянская Восточная Африка действительно была особенным местом. Как отмечает Негаш¹⁸, специфичность культивирования Эритреи способствовала – прежде всего во второй четверти XX века – вызреванию самобытной политической культуры по меньшей мере в трех аспектах. Во-первых, встроенные в фашистскую идеологию этнические и расовые градации «четко обособляли эритрейцев, которым посчастливилось жить под цивилизующей опекой Италии, от подданных Эфиопской империи», а это не могло не влиять на местных интеллектуалов. Во-вторых, ощущение эритрейской самобытности, если не сказать превосходства, поддерживалось мощным экономическим бумом, сопутствовавшим подготовке итальян-

¹⁸ Основой для этого абзаца послужило великолепное исследование: NEGASH T. *Op. cit.*; приводимая цитата: P. 16.

ской агрессии против Эфиопии: местная экономика на рубеже 1920–1930-х динамично развивалась, в колонии открывались новые предприятия и внедрялись передовые технологии, а количество итальянских переселенцев росло по экспоненте: если в 1933-м их насчитывалось лишь 4500, то всего через два года их было уже 50 тысяч. Наконец, в-третьих, и это, вероятно, самое главное – Эритрея выступала виднейшим поставщиком живой силы для африканских войск Рима: между 1912-м и 1932 годами в итальянских гарнизонах в Ливии постоянно служили 4000 эритрейцев, а в армии, в 1936 году вторгшейся в Эфиопию, было 50 тысяч эритрейских солдат. Такое положение вещей оборачивалось для жителей Эритреи невиданными для прочих итальянских колоний бонусами – например, с 1937 года их официально предписывалось называть «эритрейцами», а не «туземцами», как прочих африканских подданных короля Виктора-Эммануила.

Как только «план Бевина-Сфорца» был провален, итальянцы развернули кампанию за полную независимость Эритреи. Летом и осенью 1949 года их активно поддерживал в этом сепаратистский блок, в который, помимо партии «За Италию», вошли также Либерально-прогрессивная партия и Мусульманская лига. Несмотря на то, что объединение просуществовало всего лишь полгода, а после его распада главными защитниками суверенной Эритреи стали исламские организации, сепаратисты успели заявить о себе, застолбив место на оформляющейся политической сцене. На протяжении нескольких последующих лет они эффективно противостояли юнионистам, опиравшимся на идейную и материальную помощь Аддис-Абебы. Кроме того, им способствовало изменение международной конъюнктуры, поскольку после фиаско «плана Бевина-Сфорца» идею независимой Эритреи поддерживала уже не только Италия, но и Советский Союз, а также некоторые латиноамериканские и арабские страны.

ООН ВСТУПАЕТ В ИГРУ

Таким образом, к завершению войны жители Эритреи ощущали себя самобытной этнографической целостностью, не поддающейся отождествлению с соседями, несмотря на наличие определенных сходств. Местные политические и интеллектуальные элиты, прежде всего мусульманские, требовали к себе особого отношения, а воцарившаяся на несколько лет неопределенность их нервировала. Затянувшаяся пауза накопила политические страсти в Асмэре до такой степени, что в феврале 1950 года там в очередной раз вспыхнули уличные потасовки

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
ПРИНУЖДЕНИЕ К СОЮЗУ...

между сторонниками независимости (в основном мусульманами) и активистами, ориентированными на союз с Аддис-Абебой (в основном христианами). Эти события резонировали с августовским инцидентом 1946 года, когда в ходе карательной акции, проведенной английской армией в отношении сторонников воссоединения с Эфиопией, расквартированные в Эритрее военнослужащие из англо-египетского Судана за один день застрелили 46 юнионистов.

Ярким свидетельством того, до какой степени обсуждение эритрейского будущего накалило политические страсти, стало вовлечение в конфликт религиозных кругов. В 1945–1946 годах Юнионистская партия наладила теснейший контакт с Абиссинской православной церковью, которая издавна и неразрывно была связана с эфиопской монархией; весомым результатом этого сотрудничества стала официально обнародованная угроза отлучения от церкви, адресованная тем эритрейцам, которые выступали против слияния с «родиной-матерью». Учитывая авторитет, которым церковь традиционно пользовалась в Эфиопии, подобный аргумент нельзя было не считать весомым. Между тем сама Юнионистская партия, мобилизуясь к предстоящим политическим сражениям, все больше начинала напоминать религиозный орден: так, в 1949 году при вступлении в нее новым членам приходилось приносить клятву лояльности, запрещающую любые контакты со сторонниками сепаратистских организаций, в том числе заключение браков с ними и даже совместное участие в погребальных обрядах¹⁹. Уличные сражения с оппонентами органично выписывались в такой контекст.

Специальная комиссия ООН, с 1948 года занимавшаяся эритрейским вопросом по инициативе держав-победительниц, несколько месяцев не могла определиться со своими рекомендациями, внутренне раскалываясь и поочередно генерируя противоречащие друг другу проекты, но, в конце концов, международное сообщество сочло федерацию единственным рациональным компромиссом между независимостью и поглощением – посоветовав бывшей «жемчужине» Итальянской Восточной Африки заключить федеративный договор с Аддис-Абебой. В резолюции Генеральной Ассамблеи, закрепившей эту рекомендацию, говорилось, что «Эритрея составляет автономную единицу, входящую в федерацию с Эфиопией и под суверенитетом короны Эфиопии», и высказывалось пожелание:

«Обеспечи[ть] жителям Эритреи полное сохранение и защиту их учреждений, традиций, религиозных верований и языка, а также самую широкую степень самоуправления – без ущерба в то же

19 Ibid. P. 47, 50 (note 1).

время для Конституции, учреждений, традиций, международного статуса и самобытности Эфиопской империи»²⁰.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
ПРИНУЖДЕНИЕ К СОЮЗУ...

Несмотря на то, что эфиопская сторона считала более реалистичной позицию Норвегии, высказывавшей сомнения в том, что союз, предусматривающий равенство столь неравновесных сторон, будет стабильным, и предлагавшей взамен «полное и немедленное воссоединение»²¹, эфиопский монарх, скрепя сердце, согласился на федерализацию своей империи как на самую достижимую опцию. По словам историка, поддержав в ООН идею федерализации, полномочный эфиопский представитель «сделал это от безысходности»²².

Справедливости ради стоит отметить: сожаление, высказываемое Аддис-Абебой по поводу того, что ради присоединения Эритреи пришлось «играть в федерализм», в значительной мере выглядит неискренним; ведь император – подобно, кстати, его оппонентам – не мог не понимать, что международное сообщество предложило ему довольно нестандартную федерацию. Специфической особенностью этого союза было то, что эфиопская корона, выступая одной из двух сторон заключаемого федеративного контракта, оставалась в то же время верховным патроном всей федеральной конструкции. Соответственно, и Эритрея представляла в двух малосовместимых ипостасях, будучи одновременно автономным образованием внутри Эфиопской империи и политической единицей, вступающей в федеративную унию с Эфиопией. Такая ситуация выглядела для абиссинского престола многообещающей, ибо в новоявленном объединении явно просматривались «ведущий» и «ведомый». Не удивительно, что на этот факт неоднократно указывали скептики и недоброжелатели эксперимента. Что касается сторонников поглощения, то для них, напротив, принятие резолюции Генеральной Ассамблеи «было равнозначно слиянию Эритреи с Эфиопией, а то, что это слияние называется “федерацией”, в 1952 году не казалось особой проблемой»²³.

Принятому ООН документу, запустившему механизм оформления новой федерации, были присущи и другие внутренние изъяны – и они не позволяли эфиопской короне чувствовать себя удовлетворенной в полной мере. Вероятно, главный из них заключался в том, что международная организация взялась за федерализацию суверенного государства, не получив предварительного согласия самой Эфиопии на такое преобра-

20 Текст Резолюции 390 A (V), принятой Генеральной Ассамблеей на ее 316-м пленарном заседании 2 декабря 1950 года // Окончательный доклад комиссии Организации Объединенных Наций для Эритреи. Нью-Йорк, 1952. Р. 87.

21 КАСАЕ Н. В. М. Указ. соч. С. 218.

22 Там же. С. 220.

23 NEGASH T. *Op. cit.* Р. 74.

зование. Иначе говоря, внешняя инстанция ставила независимую страну перед свершившимся фактом, меняя ее конституционный строй своей резолюцией (почти половина статей которой приходилась на так называемый «федеральный акт», устанавливающий новый режим взаимоотношений между двумя странами), обращаясь с ней как с неподпечной территорией – и критики ООН не раз обращали внимание на это. В целом же грандиозные усилия, предпринятые международным сообществом ради федеративной сделки Аддис-Абебы и Асмэры и увенчавшиеся в 1952 году рождением нового государства, подтверждали нелестный для всего африканского федерализма вывод: даже в уникальном, по местным стандартам, случае Эфиопии, сумевшей сохранить независимость в «эпоху империй», федеративное решение оказалось результатом «выкручивания рук», произведенного внешними силами, – ровно таким же образом уходящие колонизаторы принуждали к нему бывших подданных в других частях Африки. (Хорошим примером в указанном отношении выступает Нигерия, федеративный порядок для которой разрабатывался и внедрялся Лондоном²⁴.) Негаш справедливо подытоживает:

«Поскольку главным инициатором федеративного союза Эритреи и Эфиопии выступила новорожденная ООН, невозможно закрыть глаза на тот факт, что для обеих договаривающихся сторон это решение было навязанным извне»²⁵.

Привнесенный и чужеродный характер институтов, не выношенных локальной историей и не выстраданных местной политикой, обусловил ключевую особенность рассматриваемой здесь первой фазы эфиопского федерализма: сугубо утилитарный – а не ценностный – характер его применения²⁶. Сказанное означает, что рассредоточение политической власти как основа федералистского образа правления для абиссинских правителей даже теоретически не могло выступать целью их интеграционных начинаний. Федеративный порядок представлял лишь средством, позволявшим решать сиюминутные задачи, которые перед ними вставали. За согласием эфиопского правящего класса трансформировать империю в федерацию стояло вполне прагматичное стремление к перемещению государственных границ: «Федеральные установления воспринимались эфиопскими властями с большим подозрением и рассматривались лишь как временная уступка, позволявшая

24 Подробнее об этом см. мою статью: ЗАХАРОВ А.А. «Бремя черного человека»: краткий очерк истории нигерийской федерации // Неприкосновенный запас. 2023. № 5(151). С. 226–269.

25 NEGASH T. *Op. cit.* P. 71.

26 Подробнее см.: ELAZAR D.J. *Exploring Federalism*. Tuscaloosa; London: University of Alabama Press, 1987. P. 80–104.

аннексировать Эритрею»²⁷. Как только поставленная задача была успешно решена, власти страны начали демонстративно пренебрегать конституционными нормами, которые гарантировали вступившему в федеративный союз новому члену политическое равноправие. На свертывание проекта, однако, потребовались немалое время и значительные усилия.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
ПРИНУЖДЕНИЕ К СОЮЗУ...

Рассредоточение политической власти как основа федералистского образа правления для абиссинских правителей даже теоретически не могло выступать целью их интеграционных начинаний. За согласием эфиопского правящего класса трансформировать империю в федерацию стояло вполне прагматичное стремление к перемещению государственных границ.

Отражением того состояния, в котором накануне объединения находилось эритрейское общество, стал избранный в 1952 году по инициативе уходящих англичан первый парламент Эритреи: в отношении сценариев национального будущего его депутатский корпус раскололся пополам. Несмотря на эту раздвоенность общественного мнения, большая часть эритрейцев, в конце концов, приняла бы федерацию, если бы имперский режим согласился с непохожестью новых подданных на остальных граждан Эфиопии – но «трудность заключалась как раз в том, что именно этим пониманием специфичности и особенности эритрейской идентичности ни сам император, ни его ближайшие сподвижники не обладали»²⁸. Преумножая на протяжении веков свои владения, абиссинские цари настаивали на неделимости своей божественной суверенности и последовательно устранили всех, кто осмеливался бросать им вызов, будь то иные государи или собственная знать. В отличие от некоторых европейских империй, традиционно практиковавших те или иные зачаточные комбинации самоуправления и разделенного правления, эфиопское государство предпочитало всестороннее и всецелое покорение, не оставлявшее места для каких бы то ни было проявлений автономии. Именно по этой причине осуществлявшуюся им в XIX веке жесткую территориальную экспансию нередко сравнивали с наихудшими образцами европейского колониализма. В глазах воспитанного

27 GOUMENOS T. *The Pyrrhic Victory of Unitary Statehood: A Comparative Analysis of the Failed Federal Experiments in Ethiopia and Indonesia* // KAVALSKI E., ZOLKOS M. (Eds.). *Defunct Federalisms: Critical Perspectives of Federal Failure*. Aldershot: Ashgate, 2008. P. 37.

28 PRUNIER G. *Op. cit.* P. 242.

в этой традиции Хайле Селассие I «любая форма “сдержек и противовесов”, даже демократическая, с неизбежностью представляла эквивалентом феодальной обструкции, которую на протяжении последней сотни лет эфиопский престол пытался сдерживать и подавлять»²⁹. В подобной оптике Эритрея могла рассматриваться императором лишь в качестве «инородного тела», которое требовалось низвести до усредненного общеимперского стандарта. Подобные установки не оставляли подлинному федерализму ни малейшего шанса.

Автономия, оговоренная федеративным контрактом между Аддис-Абебой и Асмэрой и гарантированная решениями ООН, начала попирается сразу же после заключения союза. Уже на первой встрече с комиссаром ООН в Эритрее – боливийцем Эдуардо Ансе-Матиензо, назначенным на этот пост в декабре 1950 года, – негус заявил: «Эфиопия понимает под федерацией не объединение двух самостоятельных государств, а форму передачи властям Эритреи полномочий на внутреннее самоуправление»³⁰. Подобные заявления не очень согласовывались с классикой федералистского жанра, указывая на то, что император и международные чиновники понимают новую государственность по-разному. Ратифицировав в сентябре 1952 года обновленную Конституцию Эритреи, император в первый же визит в свое новое владение отправился в прибрежный город Массауа, символически обнажая смысл предпринятой им объединительной операции: ведь еще в 1924 году, будучи регентом, он поставил задачу «обретения выхода к морю», которая теперь была успешно решена. В последующие годы посредством целого ряда односторонних шагов, среди которых были, в частности, перевод образования с местных эритрейских языков на амхарский язык, а также демонтаж некоторых возведенных итальянцами промышленных предприятий с последующим перемещением их в Эфиопию, монархия настроила против себя эритрейское общество. Со временем империя распустила местные политические партии, разогнала профсоюзы и урезала свободу печати, сделав протест против эфиопского засилья практически безгласным. Сам император даже не пытался скрывать свои финальные планы относительно новообретенных земель; выступая в 1954 году по случаю второй годовщины провозглашения федерации, он без обиняков заявил: «День, когда народ Эритреи решит отказаться от федеративных уз в пользу полноценного вхождения в Эфиопию, станет счастливейшим днем в моей жизни»³¹.

29 Ibid. P. 243.

30 КАССАСЕ Н.В.М. Указ. соч. С. 222.

31 Цит. по: PRUNIER G. *Op. cit.* P. 243.

Как и следовало ожидать, жизнь нового государства началась с проблем. И если политические трения вышли на первый план лишь спустя несколько лет, то экономические изъясны обнаружались незамедлительно. Их первоисточник был очевиден: Эритрея, оставшаяся без итальянского капитала и квалифицированного труда, естественным образом оказалась нищей. «Экономический потенциал Эритреи был ничтожен, – вспоминал чиновник, работавший в британской оккупационной администрации. – Он мог поддерживать скудное выживание полумиллиона скотоводов и земледельцев, но не более того»³². Еще до спуска в Асмэре британского флага англичане пытались говорить представителям монархии о том, что в финансовом смысле опекаемая ими территория нежизнеспособна, поскольку ее бюджет безнадежно дефицитен, но эта тема тогда не заинтересовала Аддис-Абебу. Эфиопские власти исходили из того, что очень скоро Эритрея лишится своего статуса участницы федеративной сделки, а ее земли превратятся в обычные имперские провинции, которые трудно было удивить дефицитным бюджетом.

Такая позиция влекла за собой нарастающий упадок и без того слабой бюджетной сферы. При этом Асмэра, оказавшись в крепких «братских объятиях», не могла использовать и резервные способы пополнения собственной казны, которые у нее, как у столицы прибрежного государства, теоретически имелись. Пребывая под британским контролем, Эритрея извлекала из таможенных сборов почти половину своих бюджетных доходов. Новое конституционное устройство предполагало сохранение за эритрейцами их доли, но теперь, согласно распределению компетенций, взиманием платежей занималась имперская администрация, которая, во-первых, сократила объемы таможенных денег, передаваемых Эритрее, а во-вторых, перешла к весьма нерегулярным их выплатам. Неудивительно, что все сказанное отражалось на жизни эритрейских жителей, которые сетовали на дороговизну, выросшие налоги, а также, среди прочего, затраты по приобретению эфиопского удостоверения личности. Однако наибольшее раздражение вызывала неэффективность федеральных органов в сферах их же собственной компетенции, куда, помимо таможни, относились связь, железные дороги, юстиция, безопасность. «Эфиопы не отвечают на наши письма, не реагируют на наши запросы, да и в целом пренебрегают эритрейскими властями, – так в 1953 году комментировал состояние федеративных отноше-

32 TREVASKIS K. *Op. cit.* P. 52.

ний спикер первого местного парламента, шейх Али Редай, представитель Мусульманской лиги. – Гиену оставили с козленком, с очевидным результатом»³³. Федерация, как считали многие, не работала из-за того, что не было никакой разницы между эфиопским и федеральным правительством.

К осени 1953 года в стране начало складываться движение противников федеративного строя, флагманом которого стала Мусульманская лига. В октябре исламские лидеры – правда, не все – направили открытую телеграмму в ООН, где жаловались на пограние федеративного контракта Аддис-Абебой, а также на то, что императорский представитель стал в Эритрее ключевой фигурой, оттеснившей на второй план местные органы власти, включая правительство и парламент. Наиболее решительные оппозиционеры прямо говорили, что Эритрея, вступив в навязанную ей унию, опять оказалась оккупированной страной. За два года союзного существования центральные власти так и не смогли решить вопрос о федеральных выплатах Эритрее, что не раз ставило местный бюрократический аппарат на грань полного прекращения работы. Вместе с тем, хотя абиссинская корона с самого начала отказывалась видеть разницу между инкорпорацией и федерацией, окончательно решить вопрос с политическим поглощением новых территорий ей мешали собственная Конституция и Федеральный акт, санкционированный ООН.

Императорский представитель стал в Эритрее ключевой фигурой, оттеснившей на второй план местные органы власти, включая правительство и парламент. Наиболее решительные оппозиционеры прямо говорили, что Эритрея, вступив в навязанную ей унию, опять оказалась оккупированной страной.

По свидетельству американского историка, вся эта экспансионистская активность «повергала в уныние эритрейцев, которые тяготели к более либеральным политическим обычаям»³⁴. Сказанное тем не менее вовсе не означает, будто среди самих жителей Эритреи вообще не было сторонников полного слияния с Эфиопией. Здешняя Юнионистская партия по-прежнему опиралась на поддержку примерно половины эритрейского населения, а ее руководитель Тедла Байру возглавлял местное правительство. Более того, совместными уси-

33 Цит. по: NEGASH T. *Op. cit.* P. 82.

34 АДЕЖУМОВИ S.A. *The History of Ethiopia*. Westport: Greenwood Press, 2007. P. 109.

лиями эритрейских юнионистов и эфиопских властей удалось расколоть исламскую оппозицию; летом 1953 года императорский представитель, посещая примыкающую к Судану и населяемую мусульманами Западную провинцию, разрешил местным скотоводам пересекать границу и пасти скот в северо-западных районах Эфиопии, чем весьма расположил их к объединению с «родиной-матерью». Федеральные власти без устали внушали местным сообществам, что Эритреей просто называется одна из частей Эфиопии. Пока мусульманские организации и их парламентские представители пытались втянуть центральные органы власти в дискуссию о недоброкачественности эфиопского федерализма, агенты Аддис-Абебы на местах довольно эффективно переманивали местных жителей на свою сторону. Более того, некоторые из эритрейских юнионистов в своем стремлении свернуть федерацию опережали самих эфиопов; таким был, в частности, глава исполнительной власти Байру, называвший несговорчивый эритрейский парламент не иначе как «собранием идиотов»³⁵. Позиционная борьба с переменным успехом продолжалась до середины 1950-х.

Начиная с указанного рубежа в эфиопском общественно-политическом дискурсе все чаще начала затрагиваться тема модификации федеративной Конституции, причем направление изменений было предельно ясным. Так, в 1955 году группа эритрейских депутатов-юнионистов предложила: (а) сделать амхарский – государственный язык империи – официальным языком Эритреи; (б) упразднить эритрейский флаг и эритрейскую печать; (в) отказаться от выборности главы исполнительной власти в пользу его назначения императорским декретом. Предложения были благополучно похоронены ставленниками Аддис-Абебы как преждевременные, но обществу было понятно, куда дует ветер. На какое-то время поддержанию *status quo* способствовало то обстоятельство, что пост председателя Верховного суда Эритреи занимал англичанин – сэр Джеймс Шерер, положение которого подкреплялось авторитетом ООН, – но в 1959 году он вышел в отставку.

После ухода британских чиновников, курировавших в основном правоохранительную и финансовую сферы, имперская администрация полностью перетасовала неблагонадежный эритрейский парламент. Еще ранее, осенью 1956 года, в ходе выборов эритрейской легислатуры второго созыва – процедура теперь курировалась не только эритрейскими, но и федеральными властями – состав депутатского корпуса заметно поменялся: из 68 членов палаты 32 были убежденными юнионистами, а вместе с колеблющимися депутатами у сторонников

35 NEGASH T. *Op. cit.* P. 100.

упразднения федерации теперь имелось большинство. С осени 1957 года, когда группа мусульманских активистов направила в ООН очередную петицию, эфиопские власти и их сторонники в Эритрее перешли к масштабным полицейским репрессиям в отношении федералистов. На этом фоне эритрейское правительство при поддержке эритрейского парламента приступило к долгожданному демонтажу федерации. В 1958 году был принят региональный закон, согласно которому единственным официальным флагом Эритреи провозглашался флаг империи, а на протяжении следующего года была создана законодательная база, обеспечивавшая полную интеграцию эритрейских земель в состав Эфиопии. Это позволило в 1960 году официально переименовать «правительство Эритреи» в «администрацию Эритреи», так как «в Эфиопской империи не может быть двух правительств»³⁶.

Тогда же по соседству с Эфиопией была провозглашена независимость Республики Сомали, которая практически сразу заявила о территориальных претензиях к эфиопам. Это в свою очередь предоставило Хайле Селассие I внешнеполитические аргументы в пользу окончательной политической унификации своих владений, и 15 ноября 1962 года федеративное устройство было упразднено: эритрейская легислатура третьего созыва, избранная в 1960-м и вообще не имевшая в своем составе оппозиционеров, проголосовала за это единогласно. Чтобы вновь обратиться к федерации, Эфиопии понадобились десятилетия – хотя даже это запоздалое здравомыслие уже никак не могло вернуть отпавшую Эритрею, спустя тридцать лет добившуюся независимости вооруженным путем. Исследователи позже едва ли не единодушно отмечали, что «эфиопско-эритрейский федеративный союз породил федерацию без федерализма»³⁷. Провал этого проекта, уложившегося в 1952–1962 годы, был обусловлен не столько противоречиями и трениями между составными частями – наиболее типичной причиной подобных фиаско, особенно когда речь идет о союзах, состоящих из двух федерирующихся единиц, – сколько стойким нежеланием эфиопской правящей верхушки осмысленно практиковать федерализм.

Для исследователя-политолога первый этап развития эфиопского федерализма, вместившийся в одной десятилетие и завершившийся апроприацией Эритреи, интересен прежде всего тем, что он непосредственным и существенным образом повлиял на конструирование и функционирование второй эфиопской федерации, учрежденной в 1990-е. Эта связь, зачастую непрямая и скрытая, проявила себя во многих характерных чертах

36 КАССАСЕ Н.В.М. Указ. соч. С. 294.

37 GOUMENOS T. *Op. cit.* P. 34.

нынешнего эфиопского федерализма – и в первую очередь в закреплении за ним выраженной этнической природы. Во времена первой федерации, возводившейся под патронажем ООН, права национальных меньшинств, к разряду которых после 1945 года, по-видимому, относились и эритрейцы, не удалось защитить должным образом, несмотря на распространявшиеся по всей Африке импульсы деколонизации и самоопределения. Соответственно, «именно роспуск этого федеративного союза спровоцировал [в 1960-е] войну за освобождение Эритреи, которая в свою очередь позже подстегнула подъем многих других

Илл. 2. Эфиопия и Эритрея, 2009 год.
Источник: Wikimedia Commons.

национально-освободительных движений – в частности, среди таких общностей, как тыграй, оромо и сомали»³⁸, – иначе говоря, тех самых групп, которые позже разрушили марксистский унитаризм и учредили вместо него этнический федерализм. Таким образом, печальный опыт 1952–1962 годов, завершившийся войной и диктатурой, нельзя было не учесть в последующем, причем даже вопреки тому, что республиканская форма эфиопской государственности решительно отрицала наличие преемственности с ранее существовавшей монархией.

Федеральные власти без устали внушали местным сообществам, что Эритреей просто называется одна из частей Эфиопии. Пока мусульманские организации и их парламентские представители пытались втянуть центральные органы власти в дискуссию о недоброкачестве эфиопского федерализма, агенты Аддис-Абебы на местах довольно эффективно переманивали местных жителей на свою сторону.

* * *

Обычно две упомянутые фазы не рассматриваются в связке, но если не делать этого, то многие отличительные черты нынешнего эфиопского федерализма останутся необъясненными. Например, право составных частей федерации на свободный выход из ее состава, делающее Федеративную Демократическую Республику Эфиопию уникальным государством даже в ряду сохранившихся на планете немногочисленных национально-территориальных федераций, можно растолковать только в том случае, если вспомнить о бытовавших в конце 1940-х планах создания так называемого «большого Тыграя», выкраиваемого из территорий как Эфиопии, так и Эритреи и призванного, по замыслу их инициаторов, сбалансировать доминирование амхарского большинства. Следуя той же логике, само предпочтение, отданное после крушения монархии федерализму, диктовалось имперской природой ушедшего государства: на протяжении нескольких столетий Эфиопия выстраивала себя как суровая империя, безжалостная к покоряемым народам, и после ее краха переход к федеративному контракту рассматри-

вался в качестве чуть ли не единственного средства сохранения эфиопского административно-политического пространства в прежних границах. Федерации, несущие на себе печать имперских систем, которым они наследовали, – дело вполне обычное, и нет никаких оснований выводить Эфиопию за рамки этой закономерности³⁹.

Наконец, сам факт существования в XX веке федеративного союза Эфиопии и Эритреи, пусть даже неправильного и кособокого, открывает более широкий простор для рассуждений о том, допустимо ли повторение чего-то подобного в будущем. На первый взгляд, подобная постановка вопроса может показаться абсурдной, в особенности если учесть диковинность сегодняшней эритрейской государственности, но, вспомнив о том, как тыграйская тема в начале 2020-х вновь оказалась на первом плане эфиопской политики, стоит позволить себе не слишком торопиться с выводами. Федеративное прошлое не менее интригующая тема, чем федеративное будущее.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
ПРИНУЖДЕНИЕ К СОЮЗУ...

39 Более обстоятельное обсуждение диалектических взаимоотношений между империей и федерацией см. в моей работе: ЗАХАРОВ А.А. *Империя и федерация* // Он же. *Унитарная федерация. Пять этюдов о российском федерализме*. М., 2008. С. 17–44.

